

сителя уникальной способностью существовать сразу в нескольких целостностях и данностях социальной действительности.

Таким образом, в условиях формирования новой парадигмы новоевропейской цивилизации особое место принадлежит исследованию такого явления, как маргинальность. При этом важно не просто констатировать факт наличия маргиналов в современном переходном обществе, но и учитывать различия внутри них.

Как было отмечено выше, маргинал может по-разному воспринимать действительность: он либо смиряется со своим положением, либо живет с чувством неполноценности и разочарования, либо стремится изменить окружающую действительность, используя свой творческий потенциал. При этом не всегда его активность носит позитивный характер, часто он становится разрушителем, бунтарем. Его действия могут носить антиобщественный характер, что проявляется в различных формах терроризма, экстремизма. Но, несмотря на то, что в современных условиях нашего общества возрастает именно деструктивный тип маргинальности (и негативное отношение общества к маргинальности связано с ним), все же он не является определяющим для всего феномена в целом, а представляет собой лишь одну из форм его проявления в мире. Только от самого индивида зависит, сможет ли он воспользоваться предоставляемой ему возможностью реализовать свой творческий потенциал. Большинство, как правило, негативно относится к любым новаторским идеям со стороны маргиналов. Но даже если общество не признает новаторских идей маргиналов, то их появление, по крайней мере, свидетельствует о необходимости перемен в обществе.

Источники и литература

1. Гумилев Л. Н., Ермолаев В. Ю. Горе от иллюзий. // *Alma Mater*. – М., 1992. – С. 7–10.
2. Пигров К.С. Современность как революция. / Революция и современность. Сборник, посвященный памяти доцента кафедры социальной философии и философии истории Почепко В. А. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. – С. 56–82.
3. Park R. E. Introduction. // Stonequist E. V. *The Marginal Man*. N.Y. 1937. p. XVIII; Цит. по: История теоретической социологии. Т. 3. Ответственный за выпуск, научный редактор И. Ф. Девятко. – М., 2000. – С. 129–130.

Кефели И.Ф.

ФИЛОСОФИЯ ГЕОПОЛИТИКИ

Поначалу у меня было устойчивое желание новую область политической философии, относящуюся к геополитической метафизике, назвать геофилософией. Но вовремя взял в руки книгу Ж. Делеза и Ф. Гваттари «Что такое философия?» (СПб., 1998, франц. издание 1991 г.), где геофилософия интерпретируется как ретерриториализация в национальном государстве некогда единой философской мысли (идущей от греков) и обретающей потому национально выраженный характер (там же, с. 133). Философское мышление пространственно, поскольку выражает дух конкретного народа в условных и реальных границах национального государства. Поэтому для обозначения новой предметной области философского знания будем пользоваться понятием философия геополитики. Философия геополитики – это сравнительно новая область политической философии. Теоретический статус философии геополитики в недрах политической философии стал определяться в последнее десятилетие. Пожалуй, достаточно явной предпосылкой философской рефлексии геополитических реалий стала широко известная работа С. Хантингтона «Столкновение цивилизаций» (сначала статья 1993 г., а затем книга 1996 г.). Ключевым явился тезис Хантингтона о том, что водораздел основного конфликта между цивилизациями находится в сфере культуры, а не экономики либо идеологии. Признание социокультурной доминанты в межцивилизационных отношениях дало толчок, с одной стороны, отходу от доктрин классической геополитики (географический детерминизм, механистическое противопоставление Суши и Моря, военно–политическое противостояние стран и блоков), а с другой, – утверждению новых акторов на мировой политической сцене, в т. ч. гецивилизаций. Вместе с тем, в контекст современных геополитических исследований довольно активно включаются идеи Н.Я.Данилевского о культурно-исторических типах, «человеческой географии» П. Видаль де ля Блаша, евразийской геополитики П.Н.Савицкого и Г. В.Вернадского, пассионарности Л. Н. Гумилёва и др.

Ренессанс геополитической мысли, в частности, в нашей стране, чему во многом содействовал Л. Н. Гумилев, получил воплощение в геополитике с «человеческим лицом». А это говорит о том, что геополитика, некогда оперировавшая понятиями пространства, территории, силы, национального интереса, обратилась и к человеку, осознающему себя геополитической силой, действующим лицом геополитических процессов.

Столь существенные изменения в геополитическом мышлении характеризуют динамику геополитических процессов, определяемую цивилизационными, социокультурными и экономическими факторами. Динамика геополитических процессов получает выражение в смене полюсов силы (вариации многополярного, биполярного и однополярного миров), что, в свою очередь, обусловлено культурным генофондом, цивилизационной принадлежностью больших и малых государств. А раз речь заходит о динамике геополитических процессов, то философия геополитики получает обоснование в социокультурной методологии, в т. ч. в глобальной истории, одним из направлений которой является историческая геополитика. Иначе говоря, история и философия геополитики предстаёт как новая отрасль теоретического знания, объектом которой выступает диалектика временных и пространственных изменений в жизни гецивилизаций.

Насыщение геополитической аналитики философской рефлексией продиктовано потребностью выявления

место и роли человека в глобальных геополитических процессах. Человек не может и не желает оставаться слепым исполнителем геополитических законов. В пространстве глобальной геополитики человек – это и носитель локального цивилизационного генотипа, и выразитель социокультурной доминанты в хозяйственной деятельности, языке, образе мыслей, и исполнитель политической воли. В глобальной геополитике гуманизм оборачивается к вопрошающему мыслителю новой гранью – это уже не прометеевский гуманизм покорителя природы, а глобальный гуманизм устроителя единого дома на Земле.

Геополитика обрела свое действующее лицо – человека, принадлежащего к той или иной цивилизации, привязанного к определенной историко-культурной зоне, веками пестующей образ жизни и образ мысли. Современные локальные цивилизации – это геочивилизации, характеризующиеся множеством параметров экономического, социокультурного, этноконфессионального порядка. И уже в силу этого философия геополитики имеет право на свое место в системе философского знания. Более того, такое заявление может быть аргументировано тем, что сама геополитика в последние два десятилетия вошла в новую фазу своего развития – фазу глобальной геополитики.

Глобальная геополитика понимается как современный этап развития геополитики, на котором актерами геополитической жизни выступают не только государства, но и транснациональные корпорации, международные и межправительственные организации, геочивилизации. В данном контексте по-новому прослеживаются философско-методологические и теоретические основания геополитики. В частности, речь идет о географическом детерминизме как методологической основе классической геополитики, а философия геополитики предстает как то направление политической философии, которое выявляет бытие политического в контексте социокультурной динамики. Особое внимание необходимо уделять сравнительному анализу современных геополитических школ и идей, которые, отталкиваясь от классических представлений, выражают новые социальные реалии, тенденции развития и цивилизационную память. Это касается, в частности, региональной и цивилизационной геополитики. Предметом тому могут служить исследования Азиатской России в геополитической и цивилизационной динамике на протяжении последних пяти веков.

В оправдание своего первоначального желания отмечу, что философия геополитики в своем русском варианте включает такие импульсы развития философии геополитики как естественнонаучная мысль К. И. Арсеньева, Л. И. Мечникова, В. И. Ламанского, В. П. Семенова–Тян–Шанского, Д. И. Менделеева и др., историко-софские построения Ф. И. Тютчева и Н. Я. Данилевского, историцизм С. М. Соловьева и В. О. Ключевского, евразийская геополитика П. Н. Савицкого, Г. В. Вернадского и Л. Н. Гумилева. Глобальная геополитика и философия геополитики четко коррелируют друг с другом на современном этапе развития социогуманитарного знания.

Колесов М.С. ДЕМОКРАТИЯ И ТЕРРОР

«Демократия» и «террор» являются сегодня распространенными пиаровскими мифами, определяющими политическое общественное сознание в странах так называемого «цивилизованного мира». Между тем они созданы на основе *эвфемизмов*, т. е. терминов, не несущих в себе определенного содержания, но обладающих свойством очевидности.

Так, слово «демократия» сегодня ассоциируется с античным термином «демократия», хотя во времена Древней Греции и Древнего Рима под «демосом» понималось совсем не то, что сегодня подразумевается под словом «народ». В античном мире «демократия» была формой *аристократической республики*, основанной на избирательном праве «свободных граждан». Противоположностью этой формы была *тирания*, основанная на избирательном праве «плебса», т. е. *толты (охлократия)*. Поэтому совершенно неправомерно подменять смысл слов «тирания» и «диктатура». «Тиран» избирается по закону, «диктатор» совмещает военную и гражданскую власть (или захватывает власть насильно).

Идеал античной «демократии» был возрожден в философии Просвещения и нашел свое адекватное воплощение в Конституции США. Еще в Декларации независимости, принятой американским Конгрессом в Филадельфии 4 июля 1776 года, было записано: *«Мы считаем очевидным следующие истины: все люди сотворены равными и все они одарены Создателем некоторыми неотчужденными правами, к числу которых принадлежат: жизнь, свобода и стремление к счастью. Для обеспечения этих прав учреждены среди людей правительства, заимствующие свою справедливую власть из согласия управляемых».*

Американская модель «демократии», воодушевив Великую Французскую революцию, привела к якобинскому террору, а затем к диктатуре Наполеона. В Латинской Америке, сразу же после освобождения от испанского колониализма, по этой модели во всех странах, в конце концов, были установлены диктаторские режимы. Таким образом, в результате европейских и американских революций («буржуазно-демократических») «демократия» стала формой правления *новых «свободных граждан»*, т. е. освободившейся от феодализма *буржуазии*, как следствие развития «гражданского общества».

Однако вне «гражданского общества» (то есть при его отсутствии) «демократия» становится политическим фарсом. Так, в XX веке в Европе совершенно демократическим путем пришли к власти Муссолини и Гитлер, которые не посягнули на панацею демократии: *всеобщее избирательное право*. Во второй половине XX века появился ненадолго такой политический эвфемизм, как «страны народной демократии» (к которым не относился, однако, Советский Союз!), который вскоре исчез по причине своей бессмысленности. «Народной демократии» быть не может по определению, так как никогда «демократия» не соотносилась с тем, что всегда понималось под словом «народ».